

—
STUDIA
URBANICA

Микроурбанизм: город в деталях

Центр независимых
социологических
исследований

Институт гуманитарных
историко-теоретических
исследований Высшей
школы экономики

МИКРОУРБАНИЗМ

ГОРОД В ДЕТАЛЯХ

Сборник статей
под отв. ред.
О. Бредниковой,
О. Запорожец

Новое
литературное
обозрение

2014

УДК 316.334.56

ББК 60.546.21

М59

Центр независимых социологических исследований
Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ.

В работе использованы результаты проекта
«Конструирование прошлого и формы исторической культуры
в современных городских пространствах»,
выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ в 2014 году

Рецензенты:

Нерийос Милерюс, PhD, доцент кафедры философии
философского факультета Вильнюсского университета
Елена Омельченко, доктор социологических наук, директор Центра
молодежных исследований, заведующая кафедрой социологии
НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

Редактор серии О. Паченков

М59 Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 352 с.: ил. (Серия STUDIA URBANICA)

ISBN 978-5-4448-0178-9

Эта книга посвящена современному городу и вдохновлена им. Под общей обложкой собрана богатая мозаика исследовательских подходов и сюжетов, пытающихся ухватить изменчивость, множественность и неоднозначность городской жизни. Это разнообразие объединяет *микроурбанизм* — подход, предлагающий «близкий взгляд» на город: возможность разглядеть его через мелочи и детали. С их помощью раскрывается насыщенная повседневность города и привлекается внимание к его главным действующим лицам — обывателям, которые своими повседневными действиями, чувствами, настроением создают город, его значимые места и маршруты. Наряду с привычными, но еще не вполне знакомыми персонажами — пассажирами общественного транспорта, участниками свадебных процессий и вездесущими туристами, книга представляет читателю и относительно новых участников жизни города — открывателей заброшенных пространств, слушателей плеера, граффити-райтеров, продавцов и покупателей блошиных рынков и многих других. Насыщенный эмоциями и динамичный город создается живым языком исследователя.

УДК 316.334.56

ББК 60.546.21

© Авторы. 2014

© ООО «Новое литературное обозрение». 2014

Спасибо... (Благодарности)	8
<i>Ольга Бредникова, Оксана Запорожец</i> Микроурбанизм. Ловушка для города	13

1

Проживая город. Мультисенсорность городских опытов

Егор Шевелев

Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств	43
---	----

Полина Могилина

История одного маршрута	64
-----------------------------------	----

Александра Иванова

Сумчатые. Хореография пассажиров городского транспорта	70
---	----

Екатерина Бунич

По городу с плеером	94
-------------------------------	----

2

“Занимательное градостроение”: пространства и опыты

Андрей Возьянов

“Коробка для звуков?” О саундскейпе городского двора	111
--	-----

<i>Олег Паченков, Лилия Воронкова</i> Блошиный рынок как “городская сцена”	132
<i>Ольга Ткач</i> Свадьба в большом городе: на прогулке	170
<i>Ольга Бойцова</i> Турист на фоне города	210

3

Нелинейное прошлое города

<i>Роман Абрамов</i> “Забытые в прошлом”: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма	231
<i>Анна Желнина</i> “Железо, слюда, апатиты и россыпи судеб людских...” Прошлое и настоящее в заполярном индустриальном городе	256

4

Городские связки: собирая городской пазл

<i>Лейсан Халиуллина</i> Из точки А в точку Б... ГИБДД и городские дороги	281
<i>Екатерина Лапина-Кратасюк</i> “Интерактивный город”: сетевое общество и публичные пространства мегаполиса.	300

Наталья Самутина

Пружинки Гамбурга: граффити-райтер Oz
и невидимое сообщество видящих 316

Сведения об авторах 346

Микроурбанизм. Ловушка для города

Изначально эта книга задумывалась как быстрый проект, проект “в стиле лайт” — мы предполагали быстро рекрутировать авторов, заразив их своей идеей “вкусных и легких” текстов про город, и быстро опубликовать сборник, объединив тексты, казалось бы, очевидной концептуальной рамкой и логикой¹. Однако процесс оказался несколько дольше и сложнее, чем это предполагалось изначально. Книга как будто бы вызревала — мы искали новых авторов и долго форматировали существующие тексты, несколько раз перекраивали структуру сборника, принимались за вводную статью и отступали. Проблема, в первую очередь, была связана с тем, что мы сами не могли четко и внятно сформулировать идею и свои пожелания и требования к авторам помимо одного: чтобы тексты были интересными, или, точнее, “неочевидными”, что, пожалуй, есть мечта всех редакторов. Мы с легкостью формулировали, как и чего не надо делать, при этом позитивных требований было немного. Идея сборника выкристаллизовывалась уже по ходу получения текстов.

Как оказалось, выскочить за устоявшиеся рамки привычного говорения про город крайне трудно. Прежде всего нам хотелось избежать доминирования большой рамки (капитализм и постсоциализм, индивидуализированное общество и общество потребления и т.д.). “Глобальные подходы”, имея великую универсализирующую силу, неизбежно производят и “социальную тотальность”² — представление о преимущественной значимости

1. В данной научной работе использованы результаты проекта “Конструирование прошлого и формы исторической культуры в современных городских пространствах”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.
2. *Deusche R. Evictions: Art and Spatial Politics.* MIT Press, 1998. P. XVIII. Будучи одним из основных критиков “больших аналитических схем”, развиваемых в ра-

не зависящих от обывателей структурных факторов, определяющих конфигурацию городской жизни. Подобная расстановка акцентов успешно маскирует или откровенно нивелирует все иные векторы, определяющие развитие города, в том числе и роль горожан в этом развитии¹. Наша задача — реабилитировать значимость повседневных действий обывателей в противостоянии, диалоге или, напротив, независимо от городских стратегов. Другим “побочным эффектом” больших теорий является невнимание к мелочам, которые, на наш взгляд, и создают ткань городской жизни, специфицируют ее. Не случайно представление о городе, лишенном нюансов², — одно из наиболее сильных потрясений, если не сказать кошмаров, городского исследователя.

Сборник виделся нам как коллекция текстов, в которых авторы пытаются уловить жизнь города через анализ переживания и проживания его мест, через выявление и описание мелких и незначимых (в рамках больших теорий) деталей. Описывая городскую жизнь, исследователь присоединяется к числу создателей воображаемого города, тех, чьи усилия “городом призываются к жизни и дают ему новую жизнь”³. В данном случае нам хотелось создать “свой” город, город, в котором мы, безусловные урбанофилы, живем — близкий, понятный и легко прочитываемый, человеческий и теплый, насыщенный настроением и переживаниями, состоящий из нюансов и деталей, столь важных в повседневной жизни. После долгих обсуждений подобный подход к пониманию и концептуализации города мы решили назвать микроурбанизмом.

ботах Д. Харви, Э. Соя и их последователей, Розалин Дойч отмечает, что авторы универсализирующих теорий склонны заменять богатство города и разнообразие современных пространственных политик унифицирующим политическим дискурсом, тем самым нередко продлевая жизнь конфликтам, противоречиям, да и просто реалиям, утратившим свое значение.

1. См.: *Rhys-Taylor A. Coming to Our Senses: A Multi-Sensory Ethnography of Class and Multi-Culture in East London. Doctoral Thesis. Goldsmiths, University of London, 2010. P. 8. Доступно по адресу: www.eprints.gold.ac.uk/3226.*
2. См.: *Беньямин В. Гашиш в Марселе // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 297.*
3. *Оже М. От города воображаемого к городу фикции // Художественный журнал. 1999. № 24. Доступно по адресу: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm>.*

Эта номинация связывает нас прежде всего с микросоциологией, предполагающей гуманистическую перспективу — приоритетное внимание к людям и их повседневности, а не к социальным группам и структурам. Кроме того, название отсылает к особой оптике, позволяющей внимательно рассмотреть детали и мелочи, которые, складываясь в различные конstellляции, во многом и составляют социальную жизнь городов. Мы полагаем, что данная концепция сопряжена также с направлениями в современной архитектуре и городском планировании, декларирующими и воплощающими идею человекообразного города. Отдавая предпочтение небольшим пространствам, деталям и мелочам, адепты этих направлений создают не только город, удобный для человека, но и город, который может быть изменен, “переписан” его жителями.

Необходимо заметить, что мы сознательно не даем четкого определения микроурбанизму, раскрывая концепцию через набор связанных принципов и исследовательских траекторий, тем самым разделяя идею ряда городских исследователей о том, что “термин всегда должен оставаться открытым, обладать возможностью развития”¹. Выбор гибкой и подвижной аналитической рамки, в отличие от фиксированного определения, открывает возможность свободных маневров исследователей, увеличивая их шансы “уловить” город, находящийся в постоянном изменении.

Микроурбанизм — казалось бы, слишком очевидное, “лежащее на поверхности” понятие, однако в социальных исследованиях оно практически не применялось². При этом термин представляется нам достаточно эвристичным и полезным для обозначения

1. *Humphrey C., Skvirskaja V. (eds.). Post-Cosmopolitan Cities: Explorations of Urban Coexistence. New York and Oxford: Bergahn, 2012. P. 2.*
2. Термин “микроурбанизм” привлек наше внимание, будучи задействованным в риторике архитекторов, городских планировщиков и активистов. В самом общем виде в рамках данного смыслового поля микроурбанизм означает работу с небольшими городскими пространствами и малыми архитектурными формами/объектами, цель которой — установление взаимосвязи человека и города, активное освоение и интерпретация городских пространств горожанами, инициирование различных событий и других форм городской самоорганизации.

целого ряда исследований, в фокусе внимания которых оказываются незначительные в глобальных масштабах события и детали городской жизни, с легкой руки Дэвида Биссела получившие название “апофеоза незначительности”¹. В рамках этого подхода исследователь работает с многослойностью города, снимая слой за слоем не только и не столько хронологические напластования, но и множественные реальности, которые появляются и проявляются в разных городских контекстах и у разных городских персонажей, по-разному обращающихся с городом и по-разному чувствующих его. Пожалуй, в данном случае оказывается уместной метафора облезлости (используемая в статье Анны Желниной), не столько вскрывающая за множеством слоев “суть вещей”, сколько обнажающая “полувидимое”, раскрывающая множественность реалий, в частности, одновременное существование “полупрошлого” и “полунастоящего” — сложных нелинейных конструкций времени и пространства, в которых протекает жизнь горожан. Облезлость предполагает пересечение, наложение, проглядывание одного через другое. В какой-то момент она создает эффект аккумуляции — что-то вроде усиленного соприсутствия, когда наличие нескольких слоев, угадывающихся ли под облупившейся краской, проступающих ли как слои воспоминаний, вызывает особый эмоциональный отклик и, соответственно, особое взаимодействие с городом. Примером этому может служить Стена Цоя на московском Арбате, объединившая тысячи признаний и надписей фанатов и туристов. Соприсутствие накладывающихся одно на другое, перебивающих друг друга высказываний, создающих причудливые конstellации, производит гораздо более сильный эмоциональный эффект своим многоголосьем и поли-темпоральностью. Каждый участник оставляет свой след, одновременно меняющий восприятие места, да и города в целом. Банальные туристические надписи из серии “Саша. Одинцово 2012”

Пример подобного подхода см.: Guide to Seattle Micro Urbanism. Доступно по адресу: <http://microseattle.wordpress.com/>.

1. Bissell D. Inconsequential Materialities: The Movements of Lost Effects // Space and Culture. 2009. № 12(1). P. 96.

образуют географию любви и памяти, а также делают значимыми ранее невидимые или воспринимавшиеся как городской спам высказывания. Облезающие, проглядывающие друг через друга надписи Стены внезапно приобретают ценность, настраивают взгляд наблюдателя, переформатируют его отношения с городом. Она становится местом значимых высказываний и посланий, оставляемых горожанами друг другу. Банальность и обыденность внезапно приобретают значение.

При всей подвижности и даже, возможно, неопределенности предлагаемой нами аналитической рамки и связанных с ней исследовательских инструментов и тактик можно говорить о некоторых фиксированных точках, которые позволяют наметить определенные ориентиры предлагаемого нами подхода, — это язык концептуализации города, микрооптика и игра с масштабами, антропологизм.

Микроурбанизм и язык разговора о городе

Сборник объединяет довольно разные темы и аналитические перспективы. При этом используемый авторами язык позволяет-таки увидеть в этих текстах нечто общее, он становится главным средством и показателем “синхронизации”, одной из точек пересечения. Примечательно, что в представленных текстах авторы крайне осторожно обращаются с существующими теориями города и нередко предпочитают интуицию или филигранные контекстуализации теоретической лояльности. Наши собственные поиски, равно как и усилия наших коллег, постоянно наталкивались на ощутимую недостаточность генерализирующих категорий, которые предлагают социальные теории, столь хорошо улавливающие и одновременно создающие масштаб, последовательность и стабильность городской жизни и оказывающиеся беспомощными перед ее точечностью, прерывистостью, эфемерностью, прорывающейся витальностью и множественностью. “Плавание под

метафизическими парусами”¹ — восприятие города как системы классификаций и типичных опытов, аналитическая дистанция — зачастую гарантирует лишь успешное (вос)производство клише и общих суждений. Классическая сентенция о слепоте горожанина словно требует в качестве дополнения признания немоты городского исследователя.

Впрочем, эта “немота” довольно специфична. В современном российском дебате о городе сложилась, на наш взгляд, парадоксальная ситуация. С одной стороны, городские исследования крайне популярны. Это направление все время “на слуху”, даже можно говорить о своего рода моде на урбанизм. Происходит множество различных событий, разворачивающихся в рамках этой тематики: проходят конференции и летние школы, открываются новые подструктуры и направления в учебных и исследовательских заведениях, проводятся исследования. Подобное внимание к городу вполне объяснимо — это не только зримые и поразительные изменения в облике городов, но и появление феномена нового городского активизма как действенного способа изменения фрагментов повседневности. С другой стороны, публикаций, посвященных городской тематике, немного. Кажется, что исследователи работают либо в жанре аналитического отчета, не достигающего широкой аудитории, либо в “устном жанре”, и оттого множество интересных результатов исследований и новых концептуализаций и подходов к пониманию города остается в пределах академических залов и аудиторий или превращается в письменный формат уже в неакадемических пространствах, пример чему — “городские священные войны” на просторах фейсбука. Впрочем, возможно, это особенность российской академии и российских интеллектуалов. Так или иначе, систематизирующих, обобщающих и даже исследовательских текстов в области городских исследований не так много². По сути, основная

1. Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. С. 107.
2. Говоря о текстах, обозначающих теоретические контуры и тематические приоритеты городских исследований в России в настоящее время, мы допускаем

идея сборника — “оживить город”, привлекая самые разные стратегии и средства, среди которых — новые имена в поле городских исследований, нетрадиционные исследовательские темы и пр. Таким же средством может и должен стать “обновленный” язык говорения о городе, который необходимо развивать не только в качестве аналитического, но и дескриптивного инструмента. Ибо не хватает не только аналитических средств, но и языка создания “картинок” городской жизни, что, конечно же, является также средством анализа и концептуализации. Классическое этнографическое или плотное описание, на наш взгляд, недостаточно и скучно. Это отчужденный, дистанцирующий, объективизирующий язык, который производит “город на расстоянии”. Наша задача — приблизить город и показать вариативность регистров

определенную авторскую пристрастность, а значит, и возможную неполноту списка. Вместе с тем мы полагаем, что особенно важными являются тексты, описывающие российский городской опыт и сочетающие теоретические поиски с представлением материалов полевых исследований, такие как: *Желнина А.* Метаморфозы практик розничной торговли в российском мегаполисе как зеркало постсоциалистических трансформаций. Случай Сенной площади в Петербурге // *Милерюс Н., Коуп Б.* (ред.) P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс: ЕГУ, 2008; *Карбаинов Н.* “Нахаловки” Улан-Удэ: гражданское общество на взлетной полосе // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 6; *Гладарев Б.* “Петербургское наследие” и его “наследники”: история культурного сопротивления // *Пугачева М.Г., Жарков В.П.* (ред.) Пути России. Историзация социального опыта. М.: НЛО, 2013; *Филиппов А.Ф.* Пустое и наполненное: трансформация публичного места // *Социологическое обозрение.* 2009. Т. 8. Одновременно нельзя не упомянуть ряд сборников и тематических выпусков журналов, посвященных городским исследованиям, которые обозначили современное состояние дискуссии в области городских исследований в русскоязычном интеллектуальном пространстве: *Милерюс Н., Коуп Б.* (ред.) P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс: ЕГУ, 2008; *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* (ред.) Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО “Вариант”, ЦСПГИ, 2009; *Самутина Н., Степанов Б.* (ред.) Царицыно: аттракцион с историей. М.: НЛО, 2014; тематический выпуск журнала “Топос” под ред. С. Любимова и Ю. Бедаш “Пространственный поворот и новые исследовательские стратегии” (2011. №1). Книга *Е. Трубиной* “Город в теории” (М.: НЛО, 2011), предлагающая увлекательный обзор классических и современных урбанистических концепций, важна и как представление российскому читателю работ зарубежных аналитиков, и как ревизия аналитических инструментов и концепций, позволяющих работать с городом.

приближения, в том числе и через язык. Близкий город — это город, который проживается и который насыщен переживаниями и эмоциями. Именно поэтому язык говорения о нем — это скорее язык глаголов¹, по сути, отражающих жизнь горожан, их активное потребление и производство городского пространства. И в меньшей степени это язык прилагательных и существительных, которые в городских текстах зачастую универсализируют и герметизируют, объективируют и отдаляют.

Центральная стратегия работы с языком в рамках микроурбанизма, на наш взгляд, связана прежде всего с расширением пространства его производства. В это производство могут включаться не только социальные исследователи, что, конечно, не может не расшатывать существующую социальную теорию, ну да это только во благо ее развития. Так, в отличие от многих социальных теорий, тексты о городе, создаваемые архитекторами, городскими активистами, арт-манифестами, обнаруживают гораздо большую способность к тонкой настройке. Они не только обосновывают необходимость внимания к нюансам, городским особенностям и локальным контекстам, но и подкрепляют ее созданием нового аналитического языка (в отдельных случаях столь приближенного к обыденному, что изрядно затрудняет его идентификацию в качестве ценного приобретения).

Новый аналитический язык возникает и на другой границе, смыкаясь с литературой. Происходит взаимное движение навстречу друг другу городской романистики и городских исследований. Рефлексивные литераторы нередко используют аналитические приемы социальных исследований (например, интервью с горожанами, включенное наблюдение), а исследователи города пишут личные, эмоционально насыщенные, смакующие подробности тексты, в которых город оживает.

На наш взгляд, в описание и осмысление города, в создаваемую картину городской жизни можно и нужно включать самого

1. Сходную идею мы можем наблюдать у Крейга Тейлора в одной из наиболее интересных книг о городе, недавно вышедших в свет: *Taylor C. Londoners. The Days and Nights of London Now — As Told by Those Who Love It, Hate It, Live It, Left It and Long for It.* London: Granta Publications, 2011.

исследователя, его эмоции и переживания. Городское исследование — это своего рода самоэтнография горожанина, который проживает и переживает город точно так же, как и остальные его обитатели, чья рутина и насыщение эмоциями производят городские места и пространства. В этом сборнике голос рефлексивного горожанина звучит в тексте Полины Могилиной. Подобный подход позволяет рождать нетривиальные, но в то же время актуальные исследовательские темы и фокусы, глубоко погружаться в тему (буквально — жить ею), фиксировать нерелексируемые городские практики и насыщать исследования трудноуловимыми переживаниями, помогает описывать и осмысливать атмосферу мест и пространств, что в итоге и создает ткань городской жизни. Такое письмо, на наш взгляд, является убедительным (а отнюдь не субъективным) и в большинстве случаев нескучным.

Предлагаемые способы разговора о городе позволяют уловить специфику *проживания* города, делая описание “живым”, а город сложно переплетенным, эмоционально насыщенным, находящимся в движении. Персонажи и сообщества, “практики микробного уровня”¹, создающие, приспособляющие и переустраивающие конкретные места (улицы и площади, транзитные пространства), изменчивые состояния города и городские ситуации, специфика отдельных городов и многое другое получают возможность быть проговоренными. При этом исследователь, отправляющийся в город, должен осознавать, что существуют пределы проговариваемого — город не всегда может быть одет в слова. Нередко это связывается с “заколдовыванием”² города,

1. Де Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 27.
2. **З а к о л д о в ы в а н и е** (enchantment) — один из популярных концептов в современных городских исследованиях. Появляется как оппозиция идее расколдовывания мира (М. Вебер) — увеличения рациональности, прозрачности, предсказуемости социального мира в целом. Будучи “социальными лабораториями” модерности, города рассматриваются как авансены рациональности и центры создания понятного и прозрачного мира, благодаря множественным изменениям повседневной жизни. Наиболее отчетливо рационализация города проявляется в появлении четкой городской планировки и навигации (указателей и наименовании улиц), создании фиксированных маршрутов и распи-

сохранением его таинственности. Например, в статье Егора Шеллевева таинственность и связанные с ней недосказанность и множественные умолчания создают городские места, а исчезновение флера тайны превращает их в обычное и банальное, встроенное в повседневный порядок. Такая ситуация вполне вероятна. Однако, мы полагаем, возможна и иная недосказанность. Обозначение пределов проговариваемого важно постольку, поскольку некоторые городские явления еще не конституированы как нечто определенное. В этом случае язык создает обманчивое представление об их кристаллизованности, четкости и самом факте их существования. Остановившаяся “на пороге”, исследователь своими интуициями и ощущениями гораздо более точно и тонко схватывает зарождающиеся места и события городской жизни, превращая свои чувства и эмоциональные опыты в действенный инструмент исследования¹.

Микрооптика или “город в деталях”

Микроурбанизм самим своим названием предполагает работу с мелочами и деталями городской жизни. Наш интерес к деталям во многом вдохновлен общей атмосферой текстов Вальтера Беньямина, соблазнительно сочетающих “микроскопическое зрение”

саний общественного транспорта, эксплицированных и разделенных правил городской жизни (см., например: *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005).

1. Любопытно, что ряд современных аналитиков рассматривают заколдовывание или, точнее, *зачарованность* (enchantment) как субъективное состояние, а не как характеристику социального мира. Зачарованность миром — это проявление эмоциональной привязанности к нему, преодоление отчуждения, связанного с обезцениванием эмоциональных начал социальной жизни в современном обществе: “Очарованность может быть чем-то случайным, сражающим нас вне зависимости от нашего желания, однако может вызываться и вполне осознанно. Одна из стратегий заколдовывания — усилить ощущение жизни как игры, другая — обострить чувствительность к очарованию вещей” (*Bennett J.* The Enchantment of Modern Life. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 4).

и “тягу к общей теории”¹. Сюзан Зонтаг, бережно разоблачающая магию беньяминовских работ, подчеркивает многозначность “мелочей” и эффекты масштабирования: “Уменьшить — значит сделать удобным для переноса <...> уменьшить — значит еще и утаить, <...> сделать бесполезным. До гротеска сведенное к малости освобождено от прежнего смысла: главное в нем теперь — крошечная величина, и только. Это и образ целостности (иными словами, полноты), и воплощение фрагментарности (то бишь несоизмеримости). А потому миниатюрное — предмет незаинтересованного созерцания, грезы”².

Обнаружение детали невозможно без изменения режима зрения исследователя — деталь доступна лишь “близкому взгляду”³, она переводит зрение исследователя в режим взглядывания и разглядывания. Выбирая детальный взгляд на город, мы неизбежно сокращаем дистанцию по отношению к нему, обозначаем себя как исследователей в городе. Погружение исследователя в водоворот городской жизни дает возможность не только увидеть город, но и ощутить его — услышать, почувствовать запах, попробовать на ощупь. Именно такую возможность ощутить город и предлагают ряд авторов этого сборника — город звучит в текстах Екатерины Бунич и Андрея Возьянова и становится осязаемым в статьях Александры Ивановой и Егора Шевелева. Спектр ощущений, в свою очередь, производит близкий город — город прикосновений, звуков и шорохов, запахов и ароматов: касание в отличие от взгляда производит близость, интимность, а звук соединяет, создает камерное пространство⁴.

Мы полагаем, что зачастую именно через детали можно выйти на анализ городской социальности⁵. При этом работа с нюансами

1. Зонтаг С. Под знаком Сатурна // Зонтаг С. Мысль как страсть. Избранные эссе 1960—1970-х годов. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. Доступно по адресу: http://krotov.info/libr_min/03_v/ey/l_06.htm.
2. Там же.
3. Арасс Д. Деталь в живописи. М.: Азбука Классика, 2010. С. 12.
4. См.: Pallasmaa J. *The Eyes of the Skin. Architecture and the Senses*. London: Wiley, 2005. P. 46, 49.
5. Сходная попытка в англоязычной дискуссии предпринимается более чем репрезентативной географией — направлением, предложенным в 2005 году

и деталями предполагает концептуализацию. Это отнюдь не этнография детали, не препарирование города на атомы, но попытка реконструировать его связанность, включить деталь в сложные сети взаимодействия, символические системы, как это происходит в статьях Ольги Ткач, Лилии Воронковой и Олега Паченкова, Романа Абрамова. Городские свадьбы, блошинные рынки и заброшенные места для авторов не только забавные курьезы. Их исследование позволяет зафиксировать и понять, как складывается и (вос)производится городской порядок.

Наше понимание детали принципиально двойственно, для нас деталь — это и инструмент познания, и инструмент действия (means of knowledge, means of action)¹. Деталь в данном случае — это не только то, что может быть выхвачено/выпадает из сети привычных отношений и систем значений², а значит, наглядно демонстрирует их относительность и изменчивость. Деталь — это также стартовая точка социального творчества, стимул и возможность создания новых смыслов и конвенций отдельными горожанами и сообществами. Деталь отсылает нас к творческому производству города. Она делает город человекосоразмерным, превращает его в то, с чем можно сладить, что можно изменить и переделать. “Размер имеет значение...” С маленькими предметами проще обращаться, благодаря им пространство легче фрагментируется и переопределяется, а периферийные смыслы и воплощающие их предметы нередко становятся точками создания новых символических систем. Как, например, “любовные замоч-

Хейденом Лоримером и впоследствии поддержанным рядом британских социальных географов. Сосредоточение на нюансах и частностях в данном случае становится аналитической стратегией, обеспечивающей переход к описанию более широкой социальной организации, выявлению центральных культурных категорий. См.: *Lorimer H. Cultural geography: the busyness of being “more-than-representational” // Progress in Human Geography. 2005. Vol. 29. № 1. P. 83—94.*

1. *Chtcheglov I. Formulary for a New Urbanism // Knabb K. (ed.). Situationist International Anthology. Berkeley: Bureau of Public Secrets, 2006. Режим доступа: <http://www.bopsecrets.org/SI/Chtcheglov.htm>.*
2. *Lavrinec J., Zaporozhets O. Unattended Items: Cooperation vs. Anxiety. The paper presented at «Return to the Street» Conference. 2012. Доступно по адресу: http://www.hse.ru/data/2013/02/10/1307731388/Goldsmith_Lavrinec_Zaporozhets.pdf.*

ки”, не только ставшие запоминающейся интервенцией 2000-х, но и положившие начало новому городскому ритуалу, периодически образующие новые городские места и усиливающие притягательность уже существующих, а также гарантирующие стабильную прибыль огромному числу уличных торговцев и продавцов сувениров¹.

Мы полагаем, что в детали важна ее материальность и доступность изменениям. Материальность — один из способов перевода города в близкий режим: касания, запахов, звуков. Одновременно материальность детали — это то, что позволяет перекомбинировать, создать свой город. Именно поэтому материальные детали столь любимы различными интерпретаторами города — от уличных художников до скейтбордистов². Город, состоящий из деталей, не просто распадается на совокупность “инертных элементов, но [становится] палитрой материалов, завораживающих возможностями своего использования”³. При этом нелишним будет еще раз подчеркнуть, что материальность включена в существующие и складывающиеся символические системы, дискурсивно оформлена.

Детали во многом создают город, производят его атмосферу. Замеченная деталь порождает эмоциональный всплеск, отсылая к многообразию опыта, его мультисенсорности. Так, одинокая рукавичка, заботливо пристроенная равнодушным горожанином “на видное место”, цепляет взгляд вечно спешащих прохожих, оживляет и, возможно, переформатирует пространство.

Настройка оптики на детальное восприятие — это не только работа в рамках одного масштаба, когда максимальное прибли-

1. *Абрамов Р., Запорожец О.* Пространство любви и пространство заботы: практики народного освоения Царицыно // Самутина Н., Степанов Б. (ред.) Царицыно: аттракцион с историей. М.: НЛО, 2014.
2. См.: *Borden I.* Skateboarding, Space and the City: Architecture and the Body. Oxford: Berg, 2001.
3. Эта особенность детали хорошо осознана рефлексивными интерпретаторами города, например, уличными художниками. Приведенная цитата описывает отношение к городу и направленность работ испанского уличного художника SpY. Сайт SpY. Доступен по адресу: <http://spy.org.es/about.php>.

жение дает чувствительность к нюансам, благодаря чему становятся заметными детали, незначимые персонажи и многослойность городского бытия. Конечно, особо пристальное внимание к микроуровню — это во многом реабилитация непривилегированного масштаба и демонстрация его возможностей. Вместе с тем мы полагаем, что в предлагаемом подходе важна и даже необходима игра с масштабированием¹. Приближение и отдаление деталей и отдельных фрагментов городской жизни позволяет понять контексты их производства и существования, вписать их в общую (глобальную) картину города. При таком масштабировании и сама картина города становится сложной, многообразной, утрачивающей социальную тотальность.

Статья Натальи Самутиной — убедительный пример значимости оптических маневров. Автор показывает, как не всегда различимая деталь, такая как смайлик граффити-райтера Оза, то тут, то там встречающийся в Гамбурге, может стать “универсальной отмычкой”, обнаруживающей и раскрывающей особенности множества контекстов. Тонкая настройка оптики и переключение масштабов в этом случае обеспечивают понимание потока сиюминутной городской жизни, логики пространственной и социальной организации постсовременного города, более общих культурных схем (особенностей постсовременного зрения и восприятия).

Играя масштабами, исследователь одновременно настраивается на прерывистость, изменчивость, подвижность города² и производит их. Постоянная смена аналитических оптик позволяет

1. Идея масштабирования как способа изменения отношений между аналитиком и исследуемым миром и, соответственно, изменения границ видимого развивается в работах: Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3: Статьи и интервью. 1970—1984. М.: Праксис, 2006; *Latour B. Trains of thoughts — Piaget, Formalism and the Fifth Dimension // Common Knowledge. 1996. Vol. 6. № 3; Brenner N. The limits to scale? Methodological reflections on scalar structuration // Progress in Human Geography. 2001. Vol. 25. № 4.*
2. Сложность и прерывистость города — достаточно общее место в городской и, говоря шире, социальной теории в целом. Эти характеристики города отсылают нас прежде всего к идеям Ж. Делеза и Ф. Гваттари, М. де Серто. Новым подкреплением этого взгляда на социальность можно считать идеи Джонатана

уловить эту сложную переплетенность городской жизни, подчеркнуть ее принципиальную прерывистость. Джонатан Крэри, напоминающий нам о сложном устройстве современной культуры, отмечает, что ныне признание длительности и целостности процессов, равно как и использование схем, фиксирующих эти “особенности”, — это аналитический тупик. Никакие процессы, в том числе и перцептивные, не могут быть помыслены как длительные — их особенность в постоянном изменении направления, прерывании деятельности, смене модальностей. Так, сегодня ни одна телевизионная передача не смотрится от начала и до конца (если смотреть вообще). Любое восприятие не является непрерывным процессом, будучи постоянно связано с выбором, параллельными действиями и обратной связью, сопровождаясь творческой интерпретацией и активным производством новых смыслов¹. Думается, что прерывистость и сложность, обеспечиваемые переключением оптик и регистров восприятия/действия, как нельзя лучше описывают современный городской опыт. Город постоянно переводится из отчужденного в близкий (а иногда и вновь отчуждаемый), как это произошло в одном из подсмотренных нами на зимних улицах объявлений. Благодаря творчеству анонимных “корректоров” алармистское предупреждение городских служб “Осторожно, сосульки!” превратилось в остросюжетный детектив “Осторожно, злые, жаждущие расплаты сосульки!”. Именно в этих переплетениях и рождается, на наш взгляд, городская жизнь, проявляющая многообразие ее участников.

Антропологизм

Город создается и изменяется множественностью повседневных действий горожан. Сегодня эта слишком очевидная идея рождает небезосновательные сомнения. Можно ли считать современные

Крэри, который обращается к особенностям восприятия, формирующимся в современном обществе.

1. *Crary J.* 24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep. London, NY: Verso, 2013. P. 52.

города лишь человеческими, если “большую часть жизни в городе составляет скорее механическая циркуляция тел, объектов и звуков речи, равно как и наличие и регуляция в ее недрах трансчеловеческой и неорганической жизни (от крыс до канализации)”¹? Стоит ли говорить о значимости усилий горожан в ситуации, когда право на город в значительной степени отчуждено, а развитие города мало зависит от действий и инициатив его жителей? И хотя “определенный гуманизм”² представляется некоторым городским теоретикам чем-то вроде фасона, который в этом десятилетии наверняка уже не будет носиться, мы все же, с учетом расширения списка агентов городской жизни, рискуем реабилитировать человека, вернуть его в город. Нам крайне сомнительно, что возможности антропологического подхода к городу могли быть исчерпаны столь стремительно. Подобная аргументация неубедительна в ситуации, когда подход лишь кристаллизуется, а немногие тексты, которые впустили исследователя в город (в качестве фланера или дрейфующего³) или открыли город как череду персонажей (старьевщиков, архивариусов и пр.⁴), вызываемых к жизни особенностями города и своими действиями создающих городскую среду, заново осваиваются исследователями.

Мы попытались представить наш сборник как пеструю, шумящую, перебивающую друг друга компанию городских персо-

1. Амин А., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3/4. Доступно по адресу: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html>. Тема нечеловеческого города развивается в книге и мультимедийном проекте: *Latour B., Hermant E. Paris: The Invisible City, 1998* (доступно по адресу: <http://www.bruno-latour.fr/virtual/index.html>), а также в ряде работ, из которых стоит упомянуть: *Thrift N. Driving in the Cities* // Featherstone M., Thrift N., Urry J. (eds.) *Automobilities*. London: Sage, 2005, указывающую на технологизацию тела и сознания горожанина — появление современных автомобилей как биотехнологических гибридов. В этой системе автомобиль может принимать участие в управлении — влиять на выбор маршрута и ряд действий, являться не только скоростным протезом, но и дополнением и продолжением тела, формирующим новую чувствительность.
2. Амин А., Трифт Н. Цит. соч.
3. См.: *Дебор Г. Теория дрейфа* // *Internationale Situationniste*. 1958. № 2. Доступно по адресу: http://psychogeo.spb.ru/page_75.html.
4. *Benjamin W. The Arcades Project*. NY: Belknap Press, 2002; *Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки истории видения*. М.: Ad Marginem, 2000.

нажей: исследователей заброшенных мест, слушателей плееров, молодоженов, посетителей блошиных рынков, обитателей дворов и многих других, своими действиями создающих город. Мы полагаем, что внимание к разным городским персонажам крайне важно для понимания “живого города”. Ведь именно они вырабатывают особые типы чувствительности к городским пространствам и ритмам, создают новые городские языки, вырабатывают особые навыки городской жизни.

И в качестве “затравки” введем относительно свежего (по отношению к долгожителю-фланеру) персонажа города, появившегося в процессе размышления над микроурбанизмом.

Новый городской персонаж: зевака

Парадоксальным образом фигура фланера, столь популярная, а в какой-то момент даже ставшая ключевой для развития антропологической перспективы, достаточно быстро была превращена в набор клише, отсылающих к городу XIX века с его пешеходностью и неспешностью, праздностью и свободой выбора маршрутов, или в фиксированный набор исследовательских техник, будь то рефлексивная прогулка или рассеянный взгляд. Вместе с тем гораздо целесообразнее представлять фланера как парадигмальную фигуру, открывающую вариативность отношений с городом, степени близости в отношении к нему¹. Стихийная монополия меланхоличного рефлексивного фланера, скользящего по городским улицам, на время своего импровизированного путешествия лишаящегося каких бы то ни было привязанностей (к месту или к людям), на долгое время оставила без внимания не менее важного “исследователя” города — *зеваку*. Творческий обыватель и драматург города, зевака — это стихийный создатель смыслов, разбивающих монотонность повседневности:

1. Запорожец О., Лавринцев Е. Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies: в поисках точки опоры) // *Communitas*. 2006. № 1.

...зевакой быть надо, то есть быть человеком, который... «не пропустит интересного зрелища». А интересное зрелище вовсе не слон, которого водят по улице (его можно увидеть и в зоопарке, и рассматривание его там почему-то не считается «зевачеством»), — интересное разбросано буквально на каждом шагу, оно у нас под ногами, пред глазами, над головой, но мы его просто не замечаем¹.

Зевака предельно чувствителен к нюансам городской жизни, включен в нее. Карта городских “чудес” размечается его собственным телом, физическим присутствием, особой ритмикой — постоянной готовностью свернуть, отвлечься, задержаться:

Открывает ли рабочий люк, попадает ли под трамвай житель северной окраины, роняет ли мальчишка яйцо на тротуар, возвращаясь домой из лавочки, теряет ли дама мелкую монету, выпавшую из дыры в перчатке, <...> провалятся ли в подземку один-два дома или сенатор Детью выйдет на прогулку — при всяком счастливом или несчастном случае племя зевак, теряя разум, неудержимо стремится к месту происшествия. Важность события не играет роли².

Своим вниманием к мелочам и живым откликом на происходящее зевака создает “близкий” город — разворачивающийся у всех на виду, доступный каждому, имеющему толику любопытства и времени. Это город не вежливого равнодушия, подчеркнутой дистанции, но искреннего любопытства и вовлеченности в происходящее. Город зеваки — место со-присутствия, включенности, ощутимой физической близости, общения, разделенных событий:

В общем, вещей на вид было довольно много, и мы <...> чувствовали себя несколько смущенно... Вблизи не было видно ни одного экипажа. Зато уличных мальчишек было сколько угодно.

1. Некрасов В. Записки зеваки. М.: Вагриус, 2003. С. 3.
2. Генри О. Комедия любопытства // Генри О. Избранные произведения. Л.: Лениздат, 1976. С. 213.

Зрелище, видимо, заинтересовало их, и они начали останавливаться... Мальчик от бакалейщика перешел через дорогу и занял позицию с другой стороны крыльца. Потом возле Биггсова мальчишки остановился молодой человек из сапожного магазина... К этому времени вокруг нас собралась целая толпа, и люди спрашивали друг друга, что случилось. Некоторые (юная и легкомысленная часть присутствующих) придерживались мнения, что это свадьба, и указывали на Гарриса как на жениха. Более пожилые и серьезные люди склонялись к мысли, что происходят похороны и что я, по всей вероятности, брат покойника¹.

Выбрать роль зеваки, помимо прочего, означает поддаться любопытству, предвкушению чего-то неопределенно интересного и увлекательного. Его умеренный оптимизм — эмоциональный регистр, нетипичный для описания отношения к городу. Ведь зевака — не атомизированный индивид, отягощенный правилами городской жизни общественной анонимности и невнимания, но легкий и деятельный персонаж, яркий представитель “живого города”, в котором мы все обитаем. Выпуская зеваку в город, мы предполагаем, что его основная задача — помочь обнаружить и описать близкие режимы отношений с городом, открыть дорогу персонажам и сообществам, интересующимся городом, друг другом, готовым радоваться и заботиться о находящихся рядом.

Скептики могут усомниться в жизнеспособности этого персонажа в современном городе. Однако тысячи фотографий с подсмотренными современными зеваками городскими происшествиями и просто “интересностями”, ежедневно появляющиеся в Интернете, убеждают нас в обратном. Можно предположить, что у современного зеваки гораздо меньше времени, он фактически бежит по городу, но, благодаря многочисленным девайсам — спутникам современного горожанина, у него появилась возможность зафиксировать событие и тем самым продлить его существование. При этом не только удовлетворить собственное любопытство, но и поделиться впечатлениями “с городом и миром”.

1. Джером Дж. К. Трое в лодке, не считая собаки. М.: Эксмо, 1999. С. 44—45.

Любопытствующие горожане меняют логику производства городского воображаемого, представлений о городе. Преобразование городской визуальной среды вследствие активной застройки и реновации 2000-х, а также под влиянием городского творчества — граффити и стрит-арта, DIY и пр. — обостряет чувствительность обывателей к городу, а многочисленные девайсы облегчают и ускоряют циркуляцию различных “диковин”. Фотографии с городскими сюжетами в социальных сетях или интересные посты привлекают пристальное внимание, исчисляемое тысячами комментариев и лайков. Таким образом, преимущественное право специалистов (властей, создателей городских брендов, фотографов, журналистов и др.)¹ на производство городских репрезентаций очевидным образом расшатывается, если не отменяется. Город превращается в одну из наиболее ярких сцен, проявляющих и усиливающих “культуру участия”², привлекающих внимание к повседневному творчеству его жителей в самом широком смысле этого слова.

Стоит признать, что до недавнего времени описание эмоциональной насыщенности города было скорее исключением из правил: “Хотите узнать об аффекте в городе? Читайте романы или стихи”³. Редкие проявления эмоциональности описывались преимущественно в негативных тонах. Невротизм, бесчувственное равнодушие, меланхолия, мизантропия — свидетельства распада, утраты близкого и знакомого мира — модусы отношений, гораздо более привычные для городских аналитиков. Сколь-нибудь позитивные тональности если и попадали в поле зрения исследо-

1. О преимущественном праве экспертов на производство городского пространства см.: *Lefebvre H. The Production of Space*. London: Wiley-Blackwell, 1992.
2. “Культура участия” — термин, предложенный Генри Дженкинсом для обозначения новых условий культурного производства. Культура участия основана на признании демократизации творчества (права и возможности каждого человека быть творцом) и убеждении, что творческий вклад каждого будет оценен по достоинству. См.: *Jenkins H. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century (Part One)*. 2006. Доступно по адресу: http://henryjenkins.org/2006/10/confronting_the_challenges_of.html.
3. *Thrift N. Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect*. Abingdon: Routledge, 2007. P. 171.

вателей, то скорее относились к политике и экономике аффекта, практикам искусной манипуляции. Лишь в последнее десятилетие городские исследователи, поддавшись общему тренду социальных наук, постепенно открывают для себя положительные эмоции¹ — надежду, доброту, сочувствие, заботу. Один из ведущих городских теоретиков Найджел Трифт признает: “Города могут быть зоной враждебности, но одновременно они и источники надежды”². Таким образом, позитивные эмоции представляются нам не тотальным эмоциональным ландшафтом, но инструментом, проявляющим и одновременно создающим пористость города, сложность конфигурации и гетерогенность доминирующих ландшафтов — беспокойства, равнодушия, — поддерживаемых многочисленными агентами влияния. Для нас позитивные эмоции — любопытство, радость открытий, забота и многое другое — важны как результат социального творчества, как зона свободных действий и чувств горожан и городских объединений, как особые пространственные и материальные опыты. Мы полагаем, что разделяемые позитивные опыты и эмоции, вызываемые к жизни совместными действиями, творческими интервенциями, случайными событиями — действенный “социальный клей” нового образца. Именно он позволяет горожанам, усвоившим “право на одиночество” как императив городской жизни³, создавать временные сообщества или новые общности, воспроизводящие теплоту и заботу традиционных сообществ, но с гораздо более дистанцированными отношениями, нередко и вовсе воображаемыми. Именно поэтому мы нередко радуемся осязаемым знакам присутствия других в городе — забавным надписям, намеренно

1. См.: *Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. London, NY: Routledge, 2004; Ahmed S. The Promise of Happiness. Duke University Press Books, 2010; Berlant L. (ed.) Compassion. The Culture and Politics of an Emotion. London, NY: Routledge, 2004; Thrift N. But malice aforethought // Thrift N. Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect. Abingdon: Routledge, 2007.*
2. *Thrift N. Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect. Abingdon: Routledge, 2007. P. 200.*
3. *Tonkiss F. Space, the City and Social Theory: Social Relations and Urban Forms. Cambridge: Polity Press, 2005.*

оставленным книжкам и газетам, другим знакам доброжелательности. Стремясь к сокращению дистанции, но одновременно и поддерживая ее, мы в воображении или реальности повторяем усвоенный порядок действий или маршруты доброжелательных незнакомцев.

Городские персонажи значимы и сами по себе, и своими сложными отношениями с городом и его обитателями. Множественность персонажей нередко пугает городских исследователей, напоминая борхесовский “сад расходящихся тропок” — “бесчисленность временных рядов, растущую, головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен”¹. Однако именно введение человеческой перспективы позволяет понять, как происходит сборка города, как из множества разнонаправленных действий и синхронизированных взаимодействий возникает “мягкий город” (soft city)² — изменчивый, подвижный, образующий перемещениями и пересечениями маршрутов жителей, движимых “надеждами, ожиданиями и привычками”³. Мягкий город дополняет, расширяет, накладывается поверх, а в некоторых случаях и противостоит “жесткому городу” (hard city) — зданиям, инфраструктуре, предполагающим фиксированные сценарии использования. Городские разведывательные экспедиции, граффити и стрит-арт — наиболее радикальные примеры городской “достройки”, когда своими телами и перемещениями горожане обнаруживают и осваивают новые возможности и измерения го-

1. Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок // Борхес Х.Л. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения. СПб.: Северо-Запад, 1992. С. 160.
2. Различение “мягкого” и “твердого” города, популярное в современной урбанистике и имеющее множество интерпретаций, впервые было введено Дж. Рабаном в романе “Мягкий город”: “Город, каким мы его воображаем, мягкий город — город иллюзий, мифа, вдохновения, кошмаров — это реальный город, возможно, даже более реальный, чем «твердый город», который можно указать на статистической карте, в монографиях по городской социологии, демографии и архитектуре” (Raban J. Soft City. London: The Harvill Press, 1974. P. 2).
3. Tsilimpounidi M. Athens 2012. Performances ‘in crisis’ or what happens when a city goes soft? // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2012. Vol. 16. № 5. P. 546.

рода¹. Расширение города или отдельных городских пространств может быть и гораздо более привычным и обыденным, как это показывает опыт городских “сумчатых” — пассажиров городского транспорта, чей багаж становится значимым продолжением тела и способом присвоения пространства (см. статью Александры Ивановой).

Мы говорим о человеческом, производимом городе, но, безусловно, осознаем структурные ограничения подобного производства — жесткость структур, затрудняющих возможность творчества и реинтерпретации, но не отменяющих их. По всей видимости, настала пора не только вслед за Мишелем де Серто признать возможность социального творчества², но и вслед за Тимом Крессвеллом поставить вопрос о пределах его влияния на городскую среду³. Одно дело — самозахват пространств и самозастройка городов (фавелы⁴, нахаловки⁵), образующие собственные правила организации пространства и социальной жизни, и совсем другое дело — жизнь в уже созданных городах, с их множественными режимами ограничений, встроенными в материальную среду, закрепленными социальными нормами, символическим порядком.

Разговор об ограничениях, накладываемых городской жизнью, требует от исследователя не меньшей виртуозности и чувствительности к нюансам, чем разговор о городских возможностях. Очевидно, что даже самые жесткие ограничения или системы контроля не могут претендовать на тотальность. В них непре-

1. См.: Grosz E. *Bodies-Cities* // Blackwell Reader. Oxford: Blackwell Publishing, 2002; Bordin I. *Skateboarding, Space and the City: Architecture and the Body*. Oxford: Berg, 2001.
2. Де Серто М. *Изобретение повседневности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
3. См.: Cresswell T. In *Place/Out of Place. Geography, Ideology, and Transgression*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1996.
4. Perlman J. *The Myth of Marginality: Urban Poverty and Politics in Rio de Janeiro*. Berkeley: University of California Press, 1976; Perlman J. *Favela: four decades of living on the edge in Rio de Janeiro*. New York: Oxford University Press, 2010.
5. Карбаинов Н. “Нахаловки” Улан-Удэ: гражданское общество на взлетной полосе // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 6.

менно обнаруживаются расщелины¹, зазоры, “слепые пятна”, создающие возможности альтернативного использования. Такая пористость городской жизни хорошо известна исследователям советского города. Именно они обращали внимание на факт, что контроль даже в самых авторитарных системах не может быть ни круглосуточным, ни тотальным. Подвижность городской жизни также добавляет сложности анализу городских ограничений. Изменчивость точки отсчета и системы координат² затрудняет, но не исключает возможности идентификации ограничений и препятствий. Скорее она требует постоянного внимания исследователя к описываемой ситуации и ее контекстам, постоянного доказательства их действенности. Само исследование в этом случае подчиняется городским ритмам, приобретает чувствительность к постоянно происходящим в городе изменениям.

Задача сборника — попытаться обозначить взаимосвязанность и взаимовлияние изменений и значимых городских контекстов, возможностей и ограничений. Мы полагаем, что именно в режиме взаимодействия и образуется ткань городской жизни, в частности, взаимодействия городских структур и отдельных практик горожан и сообществ.

Изменения, привносимые горожанами, могут быть эфемерными — не оставляющими следов на городской поверхности, исчезающими спустя несколько секунд или часов. Эфемерность города удивительно точно схвачена Бредом Дауни — создателем скульптур из подручных городских объектов и материалов: скамеек, ограждений, мусора. Дауни делает длительность существования скульптур неотъемлемой частью их описания. Живущие от 10 секунд до нескольких дней городские скульптуры — символ кратковременности существования “несанкционированного” города, создаваемого усилиями его обитателей и городских энтузиастов. Однако сосредотачиваясь на эфемерности города, городские аналитики обычно упускают из вида существование долговремен-

1. Де Серто М. Указ. соч. С. 69.

2. О подвижности и изменчивости пространства и его символических координат см.: Massey D. *For Space*. London: Sage, 2005.

ных городских традиций и практик самоорганизации городских сообществ. Самодельные городские мемориалы и памятные знаки, различные способы заботы о городских обитателях (все те же знакомые всем с детства кормушки) и городских пространствах (украшение дворов) — это и многое другое образует устойчивые способы самоорганизации городской жизни, создает городские традиции, существующие десятилетиями. Таким образом, город, создаваемый жителями, существует во множестве временных режимов и протяженностей, открывать которые — отдельное удовольствие для исследователя.

Собирая книгу, собираем город

Нас как редакторов не могло не радовать, что трудно формулируемые и даже порой не особенно внятные требования были легко воплощены авторами. Оказалось, что идея легкого письма о близком городе витала в воздухе. Собирая “Микроурбанизм. Город в деталях” воедино, мы старались не следовать слишком очевидной логике, воспроизводящей существующие классификации и принятые связи. И в этом нам очень помогали тексты, с самого начала жившие самостоятельной жизнью и создававшие собственные альянсы. В ряде случаев задача редакторов сводилась лишь к обозначению очевидной общности и близости текстов, поиску объединяющих названий разделов. В итоге в сборнике “самообразовались” четыре раздела.

Одним из ключевых принципов микроурбанизма и важным для нас способом говорения о городе является антропологизм. Именно поэтому сборник начинается с рассказов о проживании города. Уже заканчивая составление этого раздела, мы обнаружили, что он объединил тексты молодых исследователей. Таким образом, мы получили не только живой город, но и оживленный рассказ о нем. Новые авторы принесли с собой и новые темы, довольно редкие в российской урбанистике, — разговор о телесности и многообразии городских чувственных опытов.

Вторая часть сборника связана с трудноуловимыми и трудно-проговариваемыми опытами проживания города. В этом разделе они кристаллизуются в более или менее устойчивых городских формах, особых пространствах, проторенных маршрутах и воспроизводящихся практиках. Эти кристаллизации, наравне с эфемерным и ускользающим, собственно, и образуют “занимательное градостроение”, создают город.

Ключевыми идеями третьей части стали многослойность и облезлость. Если многослойность — признанное клише городских исследований (что, впрочем, не отменяет более подробного разговора о ней), то облезлость — новая метафора, вскрывающая бережное и вдумчивое отношение исследователя к городу. В данном случае исследователь избегает одномерности — неоправданной категоричности и прямых обозначений, которые в итоге превращают город в плакат с лозунгами в виде застывших концепций. Облезлость, вводящая нелинейные отношения с материальностью и временем, позволяет не просто говорить о соприсутствии чего-либо в городе, но улавливает множественные отношения, полные нюансов и переходных состояний, тем самым позволяя исследователю двигаться вперед, предлагая новый способ работы с устоявшимися метафорами.

Наконец, последний раздел призван вскрывать способы соединения ткани городской жизни. Здесь мы отчасти идем проторенным путем, обращаясь к унифицирующим правилам и технологиям как механизмам синхронизации городской жизни. Однако задача этого раздела — проговорив очевидное, наметить новые варианты связок. Не менее важно, что эти связки — не только порождение структуры, но и результат активного творчества горожан, даже в рамках самых жестких порядков создающих пространства возможностей.

И напоследок...

Почему сегодня важно говорить о горожанине, чей городской опыт многократно усилен и изменен технологическими интер-

венциями в городскую жизнь, появлением новых пространств или кардинальной реновацией прежних? Почему разговор о деталях, случайностях, мягкости и подвижности города становится столь необходимым и неизбежным? Мы полагаем, что привлечение внимания к зыбким зонам и эфемерным ситуациям, равно как и к стабильным практикам, раскрывающим город, проявляет особые лакуны свободы и ответственности — те пространства, где смыслы, создаваемые горожанами и городскими сообществами, оказываются наиболее значимыми. Такие зоны — точки успешного сопротивления попыткам и усилиям всевозможных агентов влияния в использовании города как инструмента реализации своих задач. Эти точки — основания диалога на равных или неотрицаемые аргументы в отстаивании права на город. “Здесь нет политики, здесь есть обещание сообщества, вернее ощущение, что силы сопротивления не будут присвоены ею”¹.

1. Петровская Е. Безымянные сообщества. М.: ООО Фаланстер, 2012. С. 70.

Сведения об авторах

Роман Абрамов, доцент кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ (Москва), старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва).

Ольга Бредникова, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

Ольга Бойцова, сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург).

Екатерина Бунич, магистрантка факультета социологии НИУ ВШЭ (Москва).

Андрей Возьянов, соискатель факультета антропологии Европейского университета (Санкт-Петербург).

Лилия Воронкова, координатор Art-Science проектов Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

Анна Желнина, старший научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), доцент кафедры социологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

Оксана Запорожец, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева НИУ ВШЭ (Москва), доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социологии НИУ ВШЭ (Москва).

Александра Иванова, магистрантка факультета психологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Екатерина Лапина-Кратасюк, исполнительный директор Центра гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва).

Полина Могиллина, магистр культурных исследований (Оломоуц, Чехия).

Олег Паченков, директор Центра прикладных исследований (ЦПИ) Европейского университета, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

Наталья Самутина, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В.Полетаева НИУ ВШЭ (Москва), руководитель Центра исследований современной культуры, доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социологии НИУ ВШЭ (Москва)

Ольга Ткач, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

Лейсан Халиуллина, доцент кафедры социально-политических дисциплин Института экономики, управления и права (Казань).

Егор Шевелев, младший научный сотрудник НИИ ИПМИ (Институт политических и медиаметрических наук) (Ростов-на-Дону).

МИКРОУРБАНИЗМ. ГОРОД В ДЕТАЛЯХ

Ответственные редакторы
О. Бредникова, О. Запорожец

Дизайнер
Д. Черногаев

Литературный редактор
Е. Чикадзе

Фотография на обложке
Е. Викулина

Корректоры
О. Косова, О. Семченко

Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 22. Тираж 2000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
«Ульяновский Дом печати»»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14